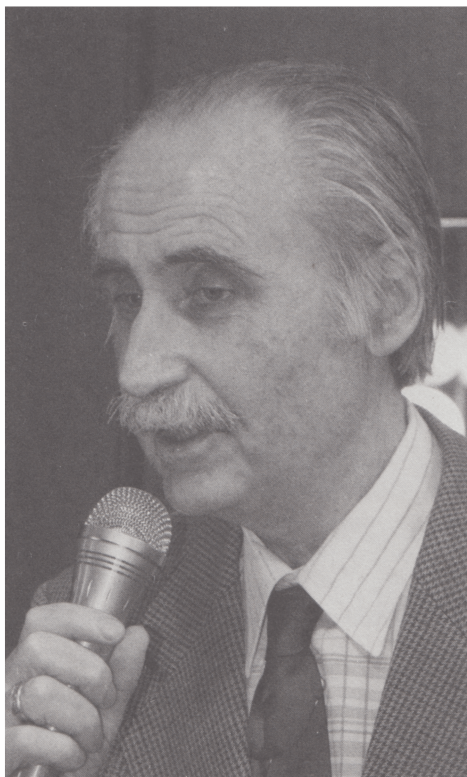

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Еремей Парнов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

Рок и ужас

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

РОК И УЖАС

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Еремей Иудович Парнов родился 20 октября 1935 г. Окончил Московский торфяной институт, работал инженером-химиком в системе Академии Наук; кандидат химических наук. Профессионально занимался журналистикой.

Вместе со своим соавтором Михаилом Емцевым дебютировал в научной фантастике в 1961 г. рассказом «Секрет бессмертия». Парнову и Емцеву принадлежат сборники рассказов «Уравнение с Бледного Нептуна» (1964), «Падение сверхновой» (1964), «Последнее путешествие полковника Фосетта» (1965), «Зеленая креветка» (1966), «Три кварка» (1969), «Ярмарка теней» (1968). Известны также романы Парнова и Емцева «Море Дирака» (1966) и «Ключья тьмы на игле времени» (1970).

В 1970 г. творческий дуэт Парнова и Емцева распался. В дальнейшем Парнов работал один, с успехом испробовав свои силы во многих жанрах: писал исторические, детективные и приключенческие книги. По его роману «Ларец Марии Медичи» был снят одноименный художественный фильм. Парнову принадлежит ряд книг о фантастике — «Фантастика в век НТР» (1974), «Зеркало Урании» (1982). В 1998 г. издательство «Терра—Книжный клуб» выпустило собрание сочинений Парнова в 10 томах.

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
© Терра—Книжный клуб, 2008

В ТЯЖЕЛОЙ ТЬМЕ, ГЛУБОКОЙ ТЬМЕ...

Долгий перелет изнуряет, но зато появляется возможность собраться с мыслями. Рэм наперед знал о предстоящих мытарствах: посадка в Варшаве, пересадка в Амстердаме с толкотней у стойки KLM и, наконец, 13-часовое бдение в аэропорту Лос-Анджелеса. Томительная ночь пролетит, оставив песок в глазах, и только на борту «Боинга-747» компании «Дельта» отпустят натянутые нервы и удастся немного вздремнуть.

Но ощущение нежданно привалившего счастья, затаившееся где-то в подкорке, время от времени накаtywало, разливаясь благодатной волной. И это оправдывало все тревожления и неудобства. С перевозданной отчетливостью вставали картины рая, единственно возможного на Земле: кипящая пена прибоя Канаки, золотые зори над Алмазным пиком, радужные водопады, ослепительная, как солнце, струя лавы, стекающая с отвесной скалы в бушующую паром океанскую бездну.

Первая командировка от журнала «Гео» на Гавайи показалась невероятной улыбкой судьбы, и было бы глупо, даже кощунственно надеяться, что это когда-нибудь повторится.

Поколесив по свету, Рэм привык тщательно готовиться к каждому путешествию. Прочитал все, что было возможно, о Гавайском архипелаге и Полинезии, включая мифы, выучил около сотни местных слов. С английским был полный порядок, но ласкала слух музыка гавайской речи.

Так и журчало в ушах под гул двигателей: радуга — «анупеуе», огонь — «ахи», плавать — «ау», океан — «моана» и, зачем-то вдруг выскочившее «маке» — умереть...

Казалось бы, абсолютно лишнее знание. Гавайцев осталось всего ничего. Может, какая-то тысяча, не более, остальные метисы. Японцев и филиппинцев на островах и того больше, не говоря про белых.

Но Рэм по опыту знал: бывают ситуации, когда все может решить одно слово, один верный жест, одно сокровенное имя.

Так оно и случилось в тот, прошлый раз...

Проведя несколько часов в отеле «Радужная Башня» на Вайкики, он первым делом отправился на пляж и доплыл до рифов Канаки. Казалось, ничего, не считая фронтона гостиниц, не изменилось здесь со времен Джека Лондона. Дивная сказка Южных морей.

Осуществив детскую мечту, он, как был в шортах и с венком из цветов на шее, вылетел на Биг-Айленд.

Леи, леи из фиолетовых орхидей и белоснежной с желтоватой середкой плумерии! Нежный, чуть горьковатый, волнующий запах.

«Алоха!» — так встречают гостей Гавайи. Это и привет, и радость, и жизнь, и любовь.

Понадобилось две недели, чтобы познакомиться с островом, давшим название всему архипелагу, где покоятся кости королей, откуда Камеа-меа Одинокий¹ начал свой завоевательный поход.

Рэм благополучно отснял с десяток «хенау». Руины древних святилищ соседствовали с восстановленными для туристов храмами, гневные устрашающие лики богов из дерева и камня на фоне буйной тропической растительности великолепно смотрелись в видоискатель. Затем настала очередь кратеров Килауэа и Мануа-Лоа. «Чертова глотка», где клокочет лава в черной кальдере², удивительно напоминала рисунки Доре к дантову «Аду».

Как любой турист, он набрал полный карман прозрачных капелек и тончайших нитей вулканического стекла: «слезы» и «волосы» хозяйки пляющих недр — Пеле.

Но в национальном парке наткнулся на стенд, заполненный почтовыми конвертами, сплошь усыпанными такими «слезками» и «волосками». В письмах со всех концов света перечислялись несчастья, свалившиеся на незадачливых любителей сувениров. Люди возвращали неистовой Пеле ее роковые дары. Рэм не отличался особым суеверием, но при первой возможности вывернул карман и выбросил вулканические камушки.

Обогнув на арендованном джипе отроги Мануа-Лоа, он по автостраде «Кратер Рим драйв», вырулил на плато, именуемое Страной богов.

В заливе Камакахону, где счастливые рыболовы фотографировались с голубым марлином в руках, ему указали дорогу, ведущую в долину Ваипио. Древнее, чуть ли не XIII века хенау, посвященное богу войны Ку, с

¹ Камеаеа Одинокий — король, объединивший Гавайи.

² Кальдера — жерло вулкана

трех сторон окружал частокол из окоренных стволов дерева охиа, обложенных в половину высоты каменной кладкой. Внутри на ступенчатой платформе стоял алтарь, но попасть туда можно было только с моря, если, конечно, сподобиться переплыть залив, кишущий акулами, что представлялось рискованным предприятием. Но если смельчаку удавалось добраться вплавь, то, кто бы он ни был и какое бы преступление ни совершил, его ждало надежное убежище. Да, никакое знание нельзя считать лишним. Щелкая затвором цифровой камеры, Рэм еще издали начал фотографировать истуканов, в равной мере уродливых и прекрасных.

Он узнавал Кане, управлявшего небом и стихиями мироздания, Кана-лоа — пучеглазого хозяина океана, благостного Лоно, охранявшего мирный труд. А вот и воинственный Ку, слегка присевший с копьем в руке, словно готовящийся к прыжку, и, конечно же, она — огненная хозяйка Пеле. Желаящих посетить капище, на котором еще в начале прошлого века приносились человеческие жертвы, ждали у пирса катера и моторные лодки, кроме того можно было нанять катамаран, сработанный по всем канонам туземного мореходства.

Вероятно, Пеле оценила благочестивый поступок русского журналиста и сменила гнев на милость. В храме ему удалось разговорить тохунга — в далеком прошлом жреца, а ныне смотрителя и охранника музея в одном лице. Старик, типичный полинезиец, хорошо смотрелся в форменной фуражке моряка торгового флота. Он показал яму, куда укладывали принесенного в жертву, а потом опускали изготовленного идола. Теплая кровь пропитывала идола и придавала ему оккультную силу.

— Без крови не будет маны — просто мертвое дерево, — как показало Рэму, не без сожаления пояснил жрец.

— И этот тоже? — нацелив камеру на оскаленную пасть Ку, поинтересовался он.

Старик предпочел пропустить вопрос мимо ушей. Полинезийский Марс наверняка успел насосаться: во всяком случае, смотрелся как живой.

Рэм поспешил заглазить невольную оплошность ключевой строкой из «Песни о зарождении»:

— «О ке ау и кахули вела ла хонуа» (В тяжелой тьме, глубокой тьме). — Пригодилось вызубренное начало гавайского «Бытия»!

Звук и ритм навевали видения.

Острова в огне и вулканическом дыме, поднятые из ревущей пучины родовыми схватками расплавленных недр, превращались в богов, олицет-

ворявших непреходящую мистерию жизни и смерти. Бушующий океан вырисовывался, озаряемый неверным лунным светом, сквозь завесу мятущихся туч.

Рэм упросил тохунга напеть несколько строф на магнитофон. Так завязалась их странная дружба.

Из долгих бесед на вышке, крытой пальмовыми листьями, откуда жрецы наблюдали за океаном, Рэм узнал, что старик — один из последних «алии» — аристократов, обладавших той самой волшебной маной. В прежние времена дозволялось даже убить простолюдина, случайно наступившего на тень алии. Жалел ли о прошлом служитель богов, обратившихся в безжизненных истуканов? Как знать... Только дрожь в голосе выдала тоску, когда речь зашла о Лилиуколани, последней королеве, заточенной во дворце Небесной птицы. На улице ее имени Рэм наткнулся на детский сад. На огороженной сеткой лужайке беззаботно резвились «дети разных народов», как пелось в какой-то советской песне. В глаза бросился лозунг: «У нас нет ни черных, ни белых, ни желтых. Мы все — золотые». Здорово!

Собранного материала достало бы не только на иллюстрированное эссе, но и на целую книгу. Меньше всего Рэм ожидал, что прощальная беседа на вышке разом обесценит все его записи и снимки. Стало вдруг отчетливо ясно: ничего нового, своего он не добавит к уже многократно отснятому и рассказанному другими.

Но когда старик заговорил про ночь мертвых воинов, Рэм воспринял это как еще одну из полинезийских легенд.

— Ты когда улетаешь? Через два дня?.. А ведь завтра день Кане. Ночью коа¹ побегут к своим лодкам, — как бы мимоходом заметил жрец. — Двадцать седьмой день лунного месяца.

— И можно будет их увидеть? Воинов-коа?

— Если захочешь... Но остерегайся оказаться у них на дороге. Плохо кончится, очень плохо...

Рэма словно током ударило. Обыденность сказанного заставляла если не поверить в невозможное, то хотя бы проникнуться чужой верой, отозваться душой. И потаенная струна дрогнула, заныла.

«Чем черт не шутит? — спросил себя Рэм и сам же ответил: — Огнем».

Старик указал точное место в заливе Камакахону: уединенный пляж, скрытый между ноздреватыми глыбами лавы. Рэм уже успел там побы-

¹ Коа — воины

вать, намереваясь заняться серфингом, но волны были слишком велики для него. В дневное время лежать на черном вулканическом песке невозможно. Это и впрямь адская сковородка. Зато ночью долго сохраняется нежное усыпляющее тепло.

Рэм никак не предполагал, что придется одолевать дремоту. Все еще сказывалась десятичасовая разница во времени. Но камеру, мысленно обзывая себя последним дураком, держал наготове.

И вопреки всему: квантовой механике, молекулярной биологии и еще чему-то такому, а в итоге здравому смыслу — он увидел их, мертвецов-коа! Тучные, мускулистые, они бежали к морю, потрясая тяжелыми копьями из железного дерева и каменными палицами. Смуглые татуированные тела лоснились, словно натертые кокосовым маслом. В свете луны различался даже блеск на что-то нацеленных глаз: казалось, воины готовы обрушить оружие на неведомого врага. Впереди бежал вождь — кохалу в гребенчатом шлеме и накидке из драгоценных перьев нектарниц.

Рэм знал, что эти желтые и красные птички давно истреблены. Их нет на свете, как нет и не может быть воинов, бегущих к своим боевым кораблям. Но длилась сказочная ночь духов — аумакуа, фата-моргана, навеванная колдовством старого жреца. Одно дело знать, другое — видеть и чувствовать. Рэм снимал и снимал, пока неодолимый сон не свалил его с ног.

Пробудившись с рассветом, он не сразу смог понять, как здесь очутился и что вообще с ним приключилось? Галлюцинация? Включив аппарат и просмотрев снятое, решил с облегченной душой, но и не без сожалений: «Приснилось». Аппарат запечатлел пустынный берег, далекие огни улиц и лунную дорожку на море.

Так закончилась первая командировка.

Предложение повторить эксперимент на пляже в такую же ночь — ночь бога стихий Кане — застало врасплох, но обрадовало. Немецкие владельцы журнала даже сподобились прислать новейшую звукозаписывающую и спектроскопическую аппаратуру. Видно, очерк понравился.

Собираясь в дорогу, Рэм обнаружил застрявшую в кармане стеклянную «слезку». Пустычок, но царапнуло сердце. Впрочем, ничего неприятного не случилось. Скорее наоборот. Долгий перелет благополучно закончился. Теплая встреча у трапа: «Алоха» и леи душистого жасмина. Единственной переменной за истекший год стала смерть старика. В хенау сидел новый смотритель — китаец. А так все осталось по-прежнему.

И тот морок, тот наколдованный сон повторился с удивительной точностью, как в фильме на диске в видеке. Только с большей четкостью и в мельчайших подробностях. Ночное небо выдалось безоблачным, да и Рэм на сей раз отважился стать на пути призраков. Поэтому и цвет перьев удалось различить в лунном сиянии — и это был цвет исчезнувшей красной птички киви. Они все ближе и ближе, мертвые воины в набедренных повязках из капы. Вот уже слышно, как бряцают ожерелья из зубов кашалота и священных орехов кокуи. Рэм едва успевал снимать, побросав лазерное и инфракрасное. И вдруг осознал: не до игрушек... это в его грудь направлены копьё с острием из раковин, это в нем коа видят врага. Вождь взмахнул оперенным бунчуком, а косматый великан взметнул меч, обрамленный зубами акулы...

В последнюю секунду Рэму показалось, что он вытянулся до небес, подобно Гулливеру, а духи, обратившись в лилипутов, пролетели сквозь него, как ветер сквозь ветер...

* * *

Мертвое тело обнаружил филиппинец-уборщик, когда на заре явился пошарить металлоискателем вдоль кромки приюта в поисках утерянных драгоценностей или монет. Полиция быстро установила личность. Документы, а заодно деньги и дорогие приборы оказались в целости. Единственной загадкой стала причина смерти. Медицинский эксперт не нашел никаких повреждений. Предположение, что журналист мог утонуть, а затем был выброшен приливом, было сразу отвергнуто.

В ожидании прибытия российского консула труп подвергли компьютерному сканированию.

— Невероятно! — развел руками врач из военно-морского госпиталя в Хило. — Как он вообще мог существовать?.. У него нет сердца!

— Это в каком смысле? — недоуменно спросил коронер.

— В самом прямом, анатомическом.

— И никаких следов изъятия?

— Ни малейших... Словно выжгло огнем изнутри.

КЛЮЧ

Я, синьора, ваш любимый,
Сын ученейшего мужа,
Старца рабби Израэля,
Мудреца из Сарагосы.

Георх Гейне¹

Я не знаю моих предков — кто они?
Где прошли, из пустыни выйдя?
Только сердце бьется взволнованней,
Чуть беседа зайдет о Мадриде.

София Парнок

Этот большой кованый ключ, почерневший то ли от обжига, то ли от дыхания веков — по всему видно, что древность, — висел на стене однокомнатной квартиры, ничем прочим особо не примечательной. Вполне обычно выглядел и двенадцатизэтажный кирпичный дом, затесавшийся в плотную застройку между Новослободской улицей и Бутырским валом. Разве что Бутырская тюрьма находилась рядышком, напоминая лишний раз исконно российскую поговорку про тюрьму и суму.

Впрочем, ни то ни другое хозяину квартиры пока не грозило. Если при советской власти имя Яна Роси, подозрительное как для еврея, так и для русского, вызывало вопросы, то в наступившую эпоху управляемой демократии уже никому не было дела до одинокого профессора пенсионного возраста.

История же его достославной фамилии довольно примечательна и восходит, по крайней мере в своей легендарной части, к библейским пророкам.

¹ Перевод В. Левина.

К кому персонально, трудно сказать. Покойный отец Яна, человек замечательный, затруднялся с выбором, склоняясь скорее к Иеремии, хотя причастность к Екклесиасту, Когелету в оригинале, больше льстила воображению. Впрочем, версию следовало безжалостно отбросить, ибо горестную мысль о том, что многие знания умножают печали, приписывали самому царю Соломону, а претендовать на такое родство было бы немислимой наглостью. Тем более что родитель Яна лихо, словно взмахом шашки, обрубил корни. Захваченный вихрем революции, молодой драгун, да к тому же и впрямь отменный рубака, свято уверовав в интернациональное всечеловеческое братство, поменял фамилию и имя. В действующую армию его призвали в конце 1915 года, когда Россия терпела поражение за поражением на прибалтийском театре. Как закончивший гимназию, он получил погоны вольноопределяющегося, что избавляло от тыканья и зуботычин, но только не от снарядов. Тем более что на сто немецких залпов русская артиллерия могла ответить двумя-тремя. И по части патронов был дефицит. Драгунам выдали по десятку на карабин. Великий князь Николай Николаевич вместо того, чтоб наладить снабжение, взялся за выселение евреев, в основном ремесленников и рабочих. Заводы и фабрики в разгар немецкого наступления встали. Пораженный увиденным, Моисей Эфрусси готов был всадить пулю в дядю царя, но не успел. В бою под Ригой он заработал осколок в грудь и был отправлен в Петроград на лечение. А там долгожданная свобода подоспела, а с ней и равенство в правах. Сначала взбудоражили речи Керенского, а когда дошло до зажигательных призывов Троцкого, голову окончательно закружил революционный хмель. За нее, республику рабочих и крестьян, и за мировой интернационал и жизни не жалко. Весело бросил герой-фронтвик в общую шапку свой солдатский серебряный крест и сам не заметил, как очутился в красной коннице. Полуграмотный писарь вместо Эфрусси записал, проведя с пьяных глаз прерывистую черту, Ефр-роси, а комдив Думенко, расстрелянный вскорости ни за грош, назначил Ефрема Роси командиром пулеметной роты.

Эту, заключительную часть семейной хроники, и поведал Ян Ефремович Роси близкому другу в ресторане «Арагви» на улице Горького. Было это давно, где-то между десятым классом и первым курсом Института стали имени Сталина, откуда их обоих вышибли со второго курса как стилияг с космополитическим уклоном. Оно и верно: друзья ухитрились обойти все московские рестораны. Пировали на книги из отцовских библиотек, носили узкие брюки, пестрые галстуки с иностранной тематикой и

резались в преферанс под джазовую музыку, нелегально записанную на рентгеновских пленках.

А сексоты и добровольные доносчики были в каждой студенческой группе...

Потом, понятно, утряслось. Взялись за ум, остепенились в прямом и переносном смысле.

И только теперь, на закате жизни, Ян Роси открыл тайну кованого ключа своему закадычному другу, убеленному сединой академику, все так же спортивно подтянутому. Имя не обязательно. Пусть он так и останется для нас: Друг с большой буквы. Ведь, собственно, с его слов и стало известно о семейном предании и последующей судьбе Яна Роси, названного в честь предка Иоанна, знаменитого на всю Испанию дон Хуана из Сарагосы.

На самом деле о его достославных, как можно предположить, деяниях ничего неизвестно. Поэтому Яну в процессе медитационных погружений пришлось самостоятельно заполнить лакуну в легендарной части родословия. Диск с записью случайно сохранился в его ноутбуке.

* * *

Замок и ключи к нему были сработаны ремесленником Исааком Пересом из Сарагосы. Он наотрез отказался от денег за труд, в который вложил все свое искусство механика и силу рук кузнеца, с равным мастерством ковавшего подковы и панцири для отважных кабальеро. Считая себя неоплатным должником равви Иоанна, он, преклонив колена, просил его принять на прощание свой бесхитростный дар. Равви навсегда покинул Сарагосу. Иудейская община — альхама теряла чудодейственного целителя и мудрого советчика. Скорбели и многие мавры, и достойные кастильские дворяне. Рассудив, что на новом месте равви неизбежно придется подыскать подходящее жилище, Исаак Перес постарался изготовить надежный запор. Чем еще мог он отблагодарить своего благодетеля, вернувшего к жизни единственное дитя — тринадцатилетнюю Ревекку, кроткую и прелестную, как ангел.

Дон Хосе Эфрусси со слезами в сердце оставлял оплот каббалистской премудрости. Но после того, как новый епископ на воскресной проповеди в кафедральном соборе произнес пламенную филиппику против богомерзких язычников и еретиков, промышляющих колдовством и отравленными снадобьями дьявольской кухни, Хосе Эфрусси понял, что в Сарагосе

ему больше не жить. И это невзирая на то, что он уберег горожан от гулявшей по Европе черной смерти — бубонной чумы, которую занесли крестоносцы. Не прошло и недели после той грозной воскресной проповеди, как местный алькальд по секрету посоветовал перебраться в более спокойное место. До поры до времени церковные власти в Толедо отличались большой терпимостью. Тамошний архиепископ, кардинал Медина Сели, тайно увлекался алхимией и был рад пригреть гонимого каббалиста.

— От отца я знаю, что дон Хуана окончательно изгнали из Испании при католических королях, — пояснил Ян, сидя с Другом на кухне за бутылкой шотландского виски «Блэк энд Уайт». — В том самом 1492 году, когда Кристобаль Колон, тоже лицо подозрительной национальности, отправился искать морскую дорогу в Индию и Китай, но открыл Новый Свет. Запирая за собой дверь, Иоанн Эфрусси вручил ключ старшему сыну, чтобы тот, если сподобится вернуться, мог войти в дом. В противном случае ключ перейдет к его первенцу. Так оно и повелось с тех пор: от отца к сыну.

— Я хорошо помню твоего папу, — улыбнулся Друг. — Несмотря на ответственный пост, как тогда выражались, он садился играть с нами в преф и совершенно поразил меня, открыто назвав Ворошилова дураком.

— Что ж, он знал его еще по Первой конной... А ключ... Пожалуй, это все, что мне известно. Остальное легенды, домыслы... Разрушение Второго Храма, изгнание, Африка, Карфаген, где правили родственные Израилю финикийцы. Затем, полагаю, диаспора распространилась на финикийские колонии на Иберийском полуострове, скажем, Тартес... Что дальше? Не знаю. Счет шел на века. Во всяком случае, при мусульманских халифах жилось совсем неплохо. Между «людьми книги» — мусульманами, иудеями и христианами — царили мир и согласие. Процветали философия и медицина, ремесла и свободные искусства. Астрологи и алхимики заложили основы современных наук: астрономии и химии. Судя по Иоанну Эфрусси, наши пращурсы достигли высокого положения. Рискну предположить, что при дворе Абанессаров, благородной династии мавританских владык, кто-то из них смог стать визирем... Про врачей и ученых я и не говорю. Тот же Нострадамус связан с нами по женской линии, а предки Баруха Спинозы породнились с Эфрусси уже на чужбине.

— В Голландии Бенедикта Спинозу изгнали из общины как еретика.

— Доберись он до России, был бы Борисом... Впрочем, как знать... Веротерпимость голландцев, вся атмосфера восторжествовавшей Рефор-

мации способствовали свободомыслию. Возьми Уриеля Акосту... И все же первичный толчок был дан при арабских халифах, когда Европа прозябала во тьме невежества и фанатизма. Разбивать античные статуи и жечь книги монахи начали еще в IV веке. Величайшие сокровища эллинской и латинской мысли удалось сохранить и донести до будущих поколений только благодаря переводам. Титаны Ренессанса читали Аристотеля и Платона на арабском и еврейском. Смотрю на проклятый ключ и все думаю: Гитлер, Сталин... История словно блуждает по кругу, как иголка на старой пластинке. Мы-то с тобой еще застали патефоны на школьных вечерах. Помнишь пластинки довоенной поры: «Риорита», «Кумпарсита», крамольный Лещенко, подзапретный Вертинский — какая волшебная прелесть! А ведь заедало чуть ли не каждый раз! Все повторяется, все. В период Реконкисты, когда варварские короли вестготов вновь обрели людей иной веры на долгие странствия, гонимым каббалистам и звездочетам выпал жребий сберечь священный огонь познания. И все для того, чтобы, забыв невзгоды, откликнуться на призыв новых владык, озабоченных нищетой и упадком Испании. Вернуть стране отцов богатство, процветание и утраченный блеск, а затем опять потерять все разом: кров, имущество, а подчас и саму жизнь, когда обезумевшие толпы устремились отвоевывать Святую землю?! Так и крутит по замкнутому кругу. Самое суровое испытание испанским сефардам предстояло изведать при Фердинанде и Изабелле, соединивших в династическом браке гербы Кастилии и Леона с Арагоном. Иудеям и маврам единой отныне Испании неумолимо предписывалось принять христианство. Альтернативой было изгнание. Кое-кто крестился, но за новообращенными зорко следила инквизиция! Тайное отправление исконных ритуалов каралось кострами аутодафе. Тогда хоть вера кого-то спасла. Но холокост и Ночь расстрелянных поэтов?.. Помнишь космополитную эпопею?.. «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». Теперь выступают с открытым забралом, да еще и под флагом со свастикой... И я отлично помню твоего отца. Тоже ответственный работник, притом ЦК КПСС, и до мозга костей русский человек. А его и вашу семью не коснулась черносотенная скверна... Хорошо, что он дожил почти до ста лет...

— И шлепал с нами картишками!

— Жизнь, как игра втемную на двойной бомбе.

— А ведь играли в опасные игры и шли на заведомый риск... А что ты будешь делать с этим ключом? Кому передашь?

— Некому. На мне закончился род... Я часто вспоминаю эвакуацию из Харькова, где тогда работал отец. Мы взяли с собой всего два чемодана. Лично я смог захватить только механическую птичку, которая смешно подскакивала, ерзая по столу. Ключи от квартиры мама отдала коменданту. Говорили, что он помогал немцам выявлять евреев и коммунистов. Мою тетю и ее мужа — двоюродного брата композитора Рахманинова — расстреляли чуть ли не в первый день. Врачи военного госпиталя, они попытались защитить раненых... Казалось бы, смешно: ключи от нашей квартиры со всем, что там было, отдали, а этот взяли с собой! Дичь, если взглянуть правде в глаза. Какое мне дело до дома в Испании, которого давным-давно нет? Папиного брата вместе с дедушкой — я случайно их помню, да и то скорее по фотографии — уничтожили в Керчи. Не смогли, не успели уехать. Дедушка, думаю, мог бы рассказать, как попал к нему ключ. Он наверняка помнил предков, осевших в Турции. Среди них выделялся советник султана, кто-то дослужился при Ататюрке до генерала. И был даже один «реш-галута» — глава общины Стамбула. А ключ все передавался, как эстафетная палочка.

— И что теперь?

— Придется исполнить завещанное, сыграть свою роль до конца. Поеду в Испанию и отопру волшебную дверь.

— Ты это серьезно? Ведь дома, сам говоришь, нет.

— А может, есть?.. Иногда я вижу во сне резную дверь из кипариса с каббалистическим рисунком и гербом: лев с оливковой ветвью.

— Всего лишь сон...

— Много больше, чем сон. Помнишь, как в лучшую пору мы зачитывались Цвейгом? Потом Шопенгауэр «Мир как воля и представление»? Недавно я перечитал «Принципы психологии» Уильяма Джеймса... Послушай: «Пока часть того, что составляет наше восприятие, поступает к нам через органы чувств от объекта, находящего перед нами, другая (и, быть может, значительно большая) часть всегда приходит из глубины нашего собственного разума».

— И приходит?

— Приходит. Не знаю и не пытаюсь доискаться, что здесь: подсознание, родовая память или нечто иное, но я постепенно развил свое внутренне око.

— Тебе и карты в руки, — вновь с доброй улыбочкой заметил Друг, памятуя о давних экспериментах Яна в пограничной области биохимии и

физиологии мозга. — Действительно хочешь поехать или все свершится в астрале?.. Хотя бы город ты знаешь?

— Толедо, старая столица Испании... Между прочим, от еврейского «толедот» — «череда поколений»... Ключ — много больше, чем отмычка к замку. Это символ, энигма, объект, упомянутый Джойсом. И, знаешь, он излучает... Иначе как объяснить мишигас — чисто еврейское помешательство? Бросить все, но любой ценой сохранить железяку...

— И когда собираешься приступить? — Друг перевел взгляд на стену, где висели старинные гравюры: «Застенки инквизиции», «Кафедральный собор Севильи» и в самой крупной рамке — «Вид на Толедо с моста через реку Тахо». — Скоро?

— В принципе все подготовлено: виза в паспорте, авиабилет «Иберии» с открытой датой. Остается побольше узнать, выжать из объекта.

— Точный адрес?

— Старинная улочка времен толедского короля Голафре... Ищу ее на плане города, но пока не вижу. Где-то поблизости от Алькасаара и маленькой площади под гостиницей «Карл IV». Лавочки мастеров по металлу: латы, мечи, арбалеты — на потребу туристов.

Друг молча кивнул. Непознаваемое, метафизическое проявляло себя на тончайшей грани мистики и рациональности. В юности это влекло и волновало близостью гениальных предчувствий.

Спустя неделю Ян позвонил другу из Шереметьева и сказал, что в офисе «Иберии» ему проставили дату вылета.

— Дурь несусветная, но все же лечу. Через два дня. Еще увидимся!

Но уже на следующее утро стало совершенно ясно, что увидеться не придется.

* * *

Как он и думал, дом находился поблизости от синагоги. Только теперь это была церковь с крестом на широком куполе. Однако название сохранилось, хотя с непривычки и резало слух: «Синагога Пречистой Девы Марии Бланки». По зрелом размышлении Ян понял, что здесь скрыт глубокий смысл. На Святой земле Богоматерь если и могла посещать, то исключительно синагогу, ибо краеугольный камень церкви Христовой еще предстояло заложить апостолу Петру.

Дверь, точнее калитка из потемневшего дерева, выходила в узкий проулок, где едва ли могли разъехаться два всадника. Над глухой стеной

нависал чугунный балкон, уставленный горшками, в которых когда-то росли цветы. По всему выходило, что дом заброшен давным-давно. Ян провел ладонью по шероховатой резьбе, ощупью, словно слепой, читая прихотливый орнамент: виноградная лоза — символ вечной жизни, скрижали, а вот и прямостоящий лев с оливковой ветвью. Чуть ниже по центру располагалась каббалистическая фигура сефиротов — элементов мироздания со словом «эн-соф» (высшая мудрость) на вершине.

Ключ легко вошел в скважину. После двух оборотов замок щелкнул и со скрежетом открылся.

Переступив порог, Ян оказался в патио. К его удивлению, в каменной чаше фонтанчика журчала слабая струйка. Не оставляло беспокойное ощущение дежа-вю. Он не только *видел* все это когда-то, но и *знал* расположение покоев. Пройдя на мужскую половину, безошибочно нашел вход в библиотеку хозяина, толкнув дверь, мимолетно тронул рукой висевшую на косяке мезузу — серебряный футлярчик с заповедями Шаддаи. Откуда умеренный и просвещенный атеист советской традиции мог обрести знание неизвестного языка и обыденных деталей ритуального поведения? В какой жизни?

Профессор Роси, не испытывая ни малейших сомнений, словно делал так всегда, прикоснулся губами к пальцам, тронувшим священный предмет, и вступил в комнату с узким витражным окном. По обеим сторонам конторки с пюпитром для письма висели открытые полки, заполненные футлярами со свитками и переплетенными в кожу кодексами. Внимание привлекла великолепная бронзовая астролябия с арабской вязью, но едва он успел протянуть руку к прибору, как из глубокой тени на задней стене отделились две зловещие фигуры в черных балахонах и остроконечных колпаках с прорезями для глаз.

Ян уже *знал*, *знал заранее*, что они ждали его, подстерегая приход. Одним только прикосновением к мезузе он дал инквизиции основание для обвинения в нераскаянной ереси. Кто же он на самом деле: россиянин, тайно вернувшийся из изгнания, или пойманный на месте преступления марран, ложно принявший христианство?

Дальнейшее пронеслось со скоростью киноленты: подвал с арочным потолком и жуткие орудия пытки: дыба, испанский сапог, железная решетка с торчащими острями, жаровня с раскаленными углями, какие-то лейки, клещи, меха... Смутно припомнилось: точно такая же обстановка была изображена на гравюре XVIII века, купленной лет двадцать назад

на Арбате. Последнее, что успел схватить глаз, прежде чем сознание затмила всепоглощающая боль, была площадь, заполненная народом, а в центре каре он сам, привязанный к столбу, обложенному вязанками хвороста, и горящий факел в руке алебардиста...

* * *

Пожару в доме, расположенном в Угловом переулке, была присвоена вторая категория сложности. Из-за припаркованных на проезжей части машин пожарные потеряли полчаса драгоценного времени. Однокомнатная квартира № 169 на девятом этаже выгорела почти целиком. Сохранился только ноутбук, очевидно забытый хозяином на застекленном балконе.

— Неосторожное пользование огнем или короткое замыкание электропроводки, — лаконично прокомментировал представитель МЧС в погонах майора¹.

¹ Напечатанная в периодике эта авантюра появлялась моему другу Юрию Волкову. Она остается его «собственностью» и здесь.

ГАДАНИЕ НА БАРАНЬЕЙ ЛОПАТКЕ

Красных глаз пылают круги,
Так, что страшно на них смотреть...
Жизнь и радость — его враги,
А в руках — чугунная плеть.

«Гэсэр»¹

Неумолимо вращение колеса кармы в когтях чудовищного Магнуса. Как будто вяжутся одно к одному неразрывные звенья причин и следствий.

Барон Унгерн унд Штернберг, потомок гуннов и тевтонских рыцарей, полусумасшедший отпрыск одряхлевшего немецко-венгерского рода, вообразил себя новым Чингисханом.

...Преследуемый сибирскими партизанами, атаман Семенов отходил от Читы. Конная дивизия Унгерна стояла в Кяхте, у самых ворот Монголии. Его казаки спешно сгоняли китайцев, монголов, бурятов, формируя конные эскадроны и пехотные полки. Барону, фантасту и мистика с гуннской закваской в крови, мерещилась Азиатская армия, с которой он намеревался пройти до самого Петербурга, а быть может, и дальше — к дедовским гнездам на Балтике. Он бредил буддийской Азией под своим крылом. Бронзовые лики в дыму ароматных курений сулили ему власть и бессмертие.

Из Урги, ставки святейшего богдо-гегена, слава о жестоком и грозном, словно докшит², генерале летела во все концы бескрайних монгольских степей. О нем говорили араты у ночного костра, кочуя от юрты к юрте, про него думали мудрые ламы, опустив в молчаливой молитве глаза, его имя склоняли в далеком Тибете, Токио и Пекине, но чаще всего оно называ-

¹ Перевод С. Липкина

² Защитник желтой веры.

лось в штабе красного командарма Блюхера, чьи войска продвигались к границе. Контрудар на Верхнеудинск, которым грозили летучие сотни Унгерна, был крайне опасен.

Отощавший после буйного запоя в Урге, но такой же стремительный и неукротимый, он мотался от хошуна к хошуну на открытом автомобиле, сопровождаемый казачьим конвоем. В желтом халате, с желтым от пыли, летящей с Гоби, лицом, он был похож на прету — голодного выходца из могилы.

— Я умру! — истерически выкрикивал он, размахивая наградной Георгиевской саблей. — Но пробудились в Азии потомки Чингисхана, и никто не в силах затушить пламя, пылающее в монгольских сердцах! Народы желтой веры, народы желтой расы сольются воедино под знаменем великого Китая и принесут на землю благоденствие и мир. Мы пойдем на Европу! Я счастлив, что мне выпала высокая миссия пробудить азиатов!

Бред безумца, но за ним стояли действия. В руки чекистов попал знаменитый приказ № 15 от 21 мая 1921 года:

«Я, начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн, сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России:

1. 1917 год дал отвратительный безумный урожай революционного посева. Россия распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только три месяца революционной свободы. Россию надо строить заново. Народу нужны имена, всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин земли русской **ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ...**
2. Силами своей дивизии совместно с монгольскими войсками свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков и восстановлена законная власть Богдо-хана.
3. В начале июня в Уссурийском крае выступит атаман Семенов, подержанный японскими войсками или без поддержки этих войск.

Приказываю...»

Далее идут пункты приказа, в которых через каждое слово поминается уничтожение, смерть и смертная казнь. Кончается пророчеством:

«И восстанет в то время Михаил князь великий, стоящий за сынов народа твоего. Со времени прекращения ежедневной жертвы и постановления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1335 дней».

Случай — проявление рока. Какая тайная сила могла свести барона Унгерна и профессора Оссендовского? И где! В кочующем монастыре Вангхур, что разбил свои юрты на берегу стремительного Орхона. Горит в ночи костер, не затмевая яркие звезды монгольского неба. Завиваясь черными прядями, лижет огненный язык выбеленную гладкую кость. Бормоча заклинание, ведет баранью лопатку, словно лодку в волнах, мудрый лама Джелаб и кивает, как старая черепаха. Его ороговевшие пальцы не чувствуют жара. По трещинам, пробежавшим на закопченной кости, читает он знаки судьбы.

Прервем сцену, имевшую место в начале мая 1921 года, и скажем несколько слов о ее участниках. Если имя барона Унгерна еще держится на слуху у доживающего свой век поколения, то Антонин Фердинанд Оссендовский, пожалуй, и вовсе забыт. А зря. Впрочем, все по порядку.

Роман Федорович Унгерн барон фон Штернберг (1886—1921) — личность весьма примечательная. В советской историографии за ним, причем справедливо, закрепилась кличка «кровавый барон». Зверь, параноик, авантюрист, он тем не менее стоит особняком в длинном списке атаманов, погулявших на неоглядных просторах Дальнего Востока. Мало кто знает, что «кровавому барону» пусть частично, но все же удалось реализовать свои непомерные амбиции. Став диктатором Монголии, калифом на час, он сподобился привилегии, пусть и сомнительной, запечатлеть свое имя на скрижалях веков.

Любимым его развлечением было срубить голову с одного удара и бросить ее на раскаленную сковородку. Закипающая кровь заставляла лицевые мускулы проделывать чудовищные гримасы: вылезали вспученные глаза, высовывался язык. А Унгерн смеялся.

Свитский офицер в чине генерал-лейтенанта возглавил Азиатскую конную дивизию, которая в составе войск под командованием атамана Семенова оказывала ожесточенное сопротивление наступающим красноармейским частям.

Здесь нам понадобится коротенькая справка о самом Григории Семёнове (1890 — 1946), ибо атаман Сибирского казачьего войска тоже в какой-то мере причастен к таинственной аванюре, о которой пойдет речь. В 1917 году он поднял мятеж против новой власти в Забайкалье, где установил военную диктатуру. Став ненадолго преемником адмирала Колчака, он отступил в сопредельную Маньчжурию, затем обосновался в Порт-Артуре под покровительством японцев. В 1945 году в ходе операции про-

тив Квантунской армии был захвачен советской контрразведкой и вскоре повешен. На следствии дал показания насчет большого количества награбленных ценностей. Выяснилось, в частности, что немалое количество сибирского золота увез в Монголию Унгерн.

Потрепанные части барона перешли границу 2 октября 1920-го. До этого они прошли по Тункинскому тракту, разграбили приграничные поселки Монды и Туран, а в Хатхыле присвоили валютные активы Центросоюза и угнали стада. В Монголии к тому моменту сложилась трудная обстановка. Ее духовный и светский властитель богдо-геген, третий после далай-ламы «живой бог», был уже свергнут, но ставленник Москвы Сухэ-Батор еще не овладел положением. В отдельных районах по-прежнему хозяйничали китайцы, повсюду шныряли шапки всех мастей, примыкая то к одной борющейся стороне, то к другой.

Общую картину разрухи довершали сифилис, чума и повсеместные опекурильни. Именно на таком безрадостном фоне рождалась Монгольская Народная Республика — первая веха на пути замысленной Коминтерном мировой революции. Так и видится живописное полотно, на котором молодой Сухэ-Батор вручает Ленину в его кремлевском кабинете приветственный хадак — шелковое буддийское полотно. А ведь знаменательный акт мог и не состояться. При иной раскладке сил советская Монголия вполне могла разделить судьбу республик-однодневок: Баварии, Венгрии. Авантюра на той стороне, авантюра на этой. Век кровавой утопии.

В конце октября Унгерн предпринял наступление на Ургу (ныне Улан-Батор), но не сумел захватить столицу. Пожалуй, именно тогда у него и возникла безумная идея восстановить империю Чингисхана и бросить всю мощь «Обновленной Азии» на Москву и Петроград.

И здесь выплывает Антонин Фердинанд Оссендовский, не то чтобы вовсе неведомый миру, но, скажем так, не слишком известный. Впервые он заявил о себе в 1899 году в Петербурге, где вышла в свет его книга «Описание путешествия по Алтаю и Уссурийскому краю». По странному совпадению, по тропам, проложенным путешественником, прошла через два десятилетия конница Унгерна. Что там ни говори, а судьба любит туго закрученные сюжеты.

«Профессор Оссендовский внес свою изрядную лепту в дело организации бандитских беспорядков Унгерна, — вспоминал чудом уцелевший глава разоренных центросоюзовских факторий Бурдуков. — Начало успеха

крылось в том, что удалось натравить китайцев на русских колонистов... Поскольку местные поляки знали о начавшейся советско-польской войне, то они и здесь хотели быть маленькими Лоуренсами).

Конечно, профессору Оссендовскому было далеко до прославленного британского разведчика, мановением пальца поднимавшего аравийские племена, но человеком заурядным, «маленьким» его никак не назовешь. Ведь именно он подсказал Унгерну «плодотворную дебютную идею» в стиле Остапа Бендера. Да и поляки полякам, как русские, китайцы, монголы, — рознь. Например, Константин Константинович Рокоссовский, будущий Маршал Советского Союза, а затем и Маршал Польши. Он тоже внесет свою лепту в описываемые события.

Но вернемся к Унгерну. Ничтоже сумняшеся барон принимает буддизм, надевает желтый ламаистский халат, на который нашивает свои генеральские погоны, и начинает «религиозную» войну в защиту свергнутого богдо-гегена. При этом он сражается как минимум на двух фронтах: против красных Советов и против красных китайцев, о чем объявляет в приказе № 15 всем «русским отрядам на территории советской Сибири».

Второй поход на Ургу оказался успешным. Обосновавшись в столице, Унгерн меньше всего думает о «живом боге», чьи прерогативы предполагается ограничить сугубо духовными делами. Светская власть должна всецело принадлежать ему, конкистадору «желтой веры», диктатору. Оссендовский оказывается как нельзя более кстати. По его указке Унгерн объезжает многочисленные в то время монастыри, от которых при социализме уцелеет один-единственный — столичный Гандан. Помимо показных богослужений — хуралов, идет налаживание контактов и, главное, пополнение войсковой казны, которую барон повсеместно возит с собой.

Питомец парижской Сорбонны, путешественник и публицист, Оссендовский попутно преследует и свои, сугубо личные интересы. В качестве корреспондента петербургских газет он побывал на фронтах Русско-японской войны, присутствовал на подписании Портсмутского мира. По сути, вся его последующая жизнь связана с Востоком. Его корреспонденции охотно печатаются в американских, английских, французских газетах. Он собирает древние манускрипты, интересуется могилой Чингисхана, которую и сегодня ищут, но не могут найти японцы, священными сокровищами, спрятанными в заповедных пещерах. Его тайная деятельность в тени Ун-

герна по сию пору остается непроясненной. Получив от китайских властей в Уласутае «железное письмо» — пропуск-вездеход, он свободно передвигается по стране, подолгу беседует с ламами, копается в монастырских библиотеках.

Между тем ситуация в Урге осложнилась. Диктатор, чьи зверства вызывают все большую ненависть буддийской общины, держится только на штыках. Монголы самой различной политической ориентации оказывают растущее сопротивление, повсюду работает и чекистская агентура, вербует под красные знамена и местных, и пришлых: китайскую бедноту и вчерашних степных разбойников. Расправы с «изменниками» лишь накаляют обстановку.

Вот и встретился барон со своим консультантом-профессором, чтобы обсудить положение и на всякий случай попытать судьбу. Унгерн суеверен и мнителен, востоковед Оссендовский волей-неволей тоже привержен тибетским чарам.

— Тебе осталось жить сто тридцать дней, — определил по трещинам на обугленной кости срок Унгерну лама. — А ты, — недобро ухмыльнулся он в лицо Оссендовскому, — умрешь, когда генерал напомнит тебе, что пришло твое время.

Оба были под впечатлением, но постарались скрыть тревогу, отделавшись принужденным смешком. Счет шел на дни, а четыре с лишним месяца, якобы отведенные барону, в той обстановке могли показаться чуть ли не вечностью.

Не прошло и недели, как он выступил из Урги с десяти тысячной армией. План был таков: выйти на южный берег Байкала и отрезать от Советов Дальневосточную республику. Передовой отряд во главе с полковником Казагранди должен был через Мондонкуль проникнуть на русскую территорию. Но конные отряды красного партизана Щетинкина, в прошлом штабс-капитана, и всадники Чойбалсана, впоследствии маршала и сталинского сатрапа, отогнали наступающих. Унгерн, заподозрив Казагранди в измене, послал сотника на расправу, но очередная казнь не улучшила положения. Преследуемый советско-монгольскими сотнями, Унгерн все дальше уходил в бесплодные степи западной Монголии. Его офицеры, предпочитавшие уйти к Семенову в Маньчжурию, составили заговор. Телохранители барона были перебиты, но сам он сумел вырваться и бежал к монголам-союзникам. Однако вчерашние сподвижники арестовали его и доставили обратно в казачий стан. 29 августа 1921 года их настиг разъезд

35-го отряда Рокоссовского. Монгольские солдаты-цырики сдались без боя. Через пограничную речку Унгерна перенес на себе сам Щетинкин.

— В последний раз сядишь на рабоче-крестьянской шее, — пошутил он.

Расстреляли барона в Новосибирске, как и было предсказано, на сто тридцатый день.

Оссендовского весть о казни застигла в Токио. Пережив приступ ужаса, он долго не мог прийти в себя. Затем перебрался в Америку, но вскоре возвратился в Варшаву. В 1925 году он издал книгу «Через страну богов, людей и зверей», в которой поведал немало удивительного о буддийской старине. Прошло еще почти двадцать лет. Варшавское восстание заставило его покинуть насиженное место и укрыться в Подкове Лясной, где буквально за несколько дней до прихода советских войск его разыскала нацистская разведка. Некий лейтенант Доллерт из штаба эсэсовского палача Бах-Желевского выгнал из дома всех его обитателей и, уединившись с профессором, пробыл у него три часа. О чем шел разговор, так и осталось тайной. Известно лишь, что лейтенанта интересовала та самая книга про богов и зверей. Поскольку библиотека погибла в разгромленной Варшаве, пришлось позаимствовать изрядно потрепанный томик у приятеля. Так удалось узнать, что привело офицера СД в Подкову Лясну накануне бегства, когда, казалось, было не до монгольских чудес.

На следующий день Оссендовского, которому шел 68-й год, нашли бездыханным. Так бы и осталась эта история незаконченной, если бы владелец книги не спрятал в ее корешок описание открытого им способа защиты металлов от коррозии. Поэтому он не пожалел усилий на розыски Доллерта, попавшего, кстати сказать, в списки военных преступников.

Тут-то и вскрылось, что бесследно исчезнувший нацист был на самом деле бароном Унгерном. Если тени расстрелянных в подвалах ЧК и возвращаются, то естественным образом. Этот Унгерн приходился тому родным племянником и единственным наследником.

Предсказание, таким образом, сбылось: кровавый барон напомнил о себе.

Задним числом можно предположить, что незадолго до последнего похода он отправил немецкой родне письмо, в котором сообщил о местонахождении припрятанных им несметных сокровищ. О том, что захоронение клада имело место, знал не только Семенов, но и Рокоссовский, допрашивавший унгерновских сподвижников. Все как один склонялись к тому, что

люди, помогавшие зарыть ценности, были ликвидированы самим Унгерном. О характере драгоценностей можно только гадать, но достоверно известно, что в кассе Азиатской дивизии были золотые десятки, импералы (монета в 15 рублей) и пудовые слитки. Клад и поныне покоится где-то в пещере у озера Буир-Нур, поблизости от сопки Цаган Тологой, что означает «Белая голова».

Снимок этого места помещен не только в упомянутой книге, но и в другом труде Оссендовского — «Польские пуцци», где ничего не сказано о Монголии.

И это знак...

ДИТЯ ЛУНЫ

Побледнел месяц — небесный Сома, а Сома земной таинственно хлопотал в запечатанном кувшине.

Заглушая беспечную птичью разноголосицу, затрещали цикады. Потом прогудела, как надтреснутый колокол, и неожиданно умолкла кукушка кокил — вестник любви. Гунашарман удивился, когда в назначенный час никто не пришел его сменить. Он совершил утреннее омовение и, сделал несколько дыхательных упражнений, разогнал сон. От очага решил не отходить до прихода смены.

Но, когда ветер со стороны деревни донес горький, царапающий горло запах гари, Гунашарман понял, что никто сюда не придет. Недаром так воспаленно горела над лесом кровавая звезда Картикея! Очевидно, несметные полчища Тимура Хромого сломили сопротивление индусов и сумели переправиться через реку Джаун. Ни горы, ни леса не остановили варваров.

Гунашарман представил себе раскосых чужеземцев, крепко сидящих на лошадях, и зажмурился, чтобы сдержать слезы. Он слышал рассказы о том, как свирепые завоеватели рубили сплеча, как с диким гиканьем летели через деревни, поджигая соломенные крыши хижин.

Да, Гунашарман остался совсем один, и никто из жрецов более не проберется тайной тропой на священную поляну. Отныне он один нес ответственность за сокровище, о котором ничего не знал. Пока сосуд с соком лунной травы остывал, юноша собрал ритуальную утварь и перенес ее в джунгли, где и схоронил все в дупле старой смоковницы. Потом бережно снял с очага теплый еще кувшин и, сгибаясь от тяжести, перетащил его к жертвеннику. Согнав изумрудную ящерицу, Гунашарман поднял камень и резким ударом отбил горловину. Из кувшина вырвались зеленоватые удушливые пары. Задержав дыхание, он наклонил сосуд и подставил под бурую дымящуюся струю сито. Во что только превратилось за сто восемь дней

благоуханное молоко стеблей сомы! Маслянистая едкая жидкость, подобно степному пожару, стекала на красную почву. Насекомые, которые обычно сползались на запах сомы, теперь разбегались по норам и трещинам; кого настигала тягучая бурая струя, сразу замирали и обугливались. Не убереглась и любопытная ящерица. Она едва успела выскочить, волоча за собой удлиняющиеся клейкие нити, но, не добежав даже до ближайшего куста, судорожно забилась в пыли и затихла.

Сосуд опустел, и Гунашарман понес сито, наполненное скользкой жижей, к источнику. Сначала быстрый поток унес пену и слизь, потом подхватил мелкую взвесь, и тогда стало видно, что на дне тяжело провисающего сита лежит рыхлый фиолетово-черный комок. Когда вода посветлела и опаленная шерсть стала приобретать сероватый оттенок, он вынул оставшийся в сите ком. Холодный и разбухший, тот легко крошился в руке.

Неистовое солнце многоцветно дробилось в бурлящем зеркале крохотного водоема. Из джунглей тянуло прелью и жарким смрадом болот. Где-то совсем близко кричали сизые цапли. Юркие оранжевые обезьяны перелетали с дерева на дерево, раскачиваясь на упругих канатах лиан, и бабочки фантастическими цветами раскрывались посреди опутанного бледными присосками воздушного корневища. Как пестра и великолепно ликующая неумная жизнь! Гунашарман зажмурился. Мертвый щекочущий дым невидимо просачивался сквозь горячую сырость леса. Это горел погробальный костер, унося родных и близких.

В пальцах остался твердый неровный шарик. Юный брахман с трудом раскрыл полные слез глаза и тут же вновь зажмурился, ослепленный нестерпимым блеском. Шарик выскользнул и закатился в траву. Но долго искать не пришлось. Гунашарман упал перед слетевшей с неба звездой на колени.

— Джьоткраса¹, — благоговейно прошептал он, накрывая драгоценность ладонью.

Капля расплавленного металла — волшебный дар луны прожигала ему руку.

Ночь застала Гунашармана глубоко в джунглях. По тайным тропинкам уходил он все дальше от родных мест, где пировали победу воины Хромого тюрка. Узкий серп отощавшего небесного Сомы едва проглядывал сквозь многоярусную крышу великого леса.

¹ Джьоткраса — камень огня

Только на полянах и у ручьев неверный фосфорический отблеск трогал листья и узор паутины. Кувыркались выдры в черных ручьях, глотая лунное отражение и не в силах напиться светом. Их игривому плеску вторили рулады древесных лягушек. Ночной лес справлял тайный праздник последней фазы луны. Со всех сторон едва слышались неразличимые шорохи и шумы. То ли падали в кишачий клопами перегнивший перезрелые плоды, то ли водяные змеи скользили, как по льду, с одного берега на другой...

Сколько невидимых глаз следили из темноты за одиноким путником! С посохом и узелком в руках, он казался таким беззащитным и неприкаемым, что великий лес пропустил его сквозь заповедные дебри, не причинив вреда. Даже заляпанный жидкой грязью крокодил не пошевелился, когда босая человечья ступня соскользнула с его плоской пупырчатой головы. Он только приоткрыл глаз, блеснувший, как угасающая лучина. Но Гунашарман ничего не заметил. Он шел, замороженный скупым сиянием джунглей, прислушиваясь к далекому звону пятиструнной вины, который все явственнее вплетался в таинственный ропот дебрей.

Тропа постепенно расширялась и стала тверже. Все реже и реже натруженные ноги давили обжигающих скользких улиток, и шипы перестали ранить пятки. Лес неожиданно кончился, и Гунашарман вышел на большую наезженную дорогу. Вина звенела совсем уже близко. Он шел на ее призыв, различая во тьме только смазанный силуэт большого раскидистого дерева. Лишь войдя в густую его сень, он увидел белый цветок лианы и мелькнувшую белозубую улыбку. В это мгновение острый сияющий серп пронзил череду облаков.

— Кто ты? — спросил он сидевшую под деревом женщину, которая все продолжала перебирать струны. — Почему я почти не вижу тебя?

— Я смугла, — отвечала она, смеясь, и вина в ее руках стонала и жаловалась, обещая покой и надежду, но только потом, потом. — И на мне черная одежда.

— Цвет ночи.

— И цвет любви. Присядь, чужестранец, передохни.

— Как тебя зовут?

— Шанти, и мне четырнадцать лет. Откуда ты, путник?

— Я жил в долине Суалик. Теперь туда пришел Тимур Хромой, и у меня никого не осталось на свете.

— Бедный! Мне так тебя жаль! — Девушка перестала играть.

— Ты не только Шанти — Спокойствие, — Гунашарман коснулся ее руки, — ты и Радость. Вина, луна в зените и ты...

— Пойдем со мной, юноша. Я омою тебя, умащу благовониями и накормлю.

— Какой ты касты? — настороженно спросил молодой брахман, отдергивая руку.

— Мы шудра, — она засмеялась, — а ты брахман?

— Да, и тогда мне нельзя с тобой...

— О, конечно! — С вызовом она вновь ударила по струнам. — «Из живых существ наилучшими считаются одушевленные, между одушевленными — разумные, между разумными — люди, между людьми — брахманы».

— Да, таков закон.

— Что за дело тебе до законов? — Она вскочила с места. — Когда ты сам грязен и нищ, как последний неприкасаемый?! Твоя деревня сожжена, и ее жители перебиты, а ты все думаешь о своем брахманстве!

— Но ведь закон установлен прародителем человечества, — уже мягче повторил он. — Не сердись, девушка-шудра. Мне нельзя есть твой рис.

— А любить тебе можно? — распахнув короткую блузку, она приблизилась к нему. Лунная пыль дрожала на хрупких ее плечах.

— Мне ничего нельзя, — грустно ответил юноша. — Закон говорит, что шудра, если он чистый, послушный высшим, мягкий в речи, свободный от гордости, всегда прибегающий к покровительству брахмана, может получить в новой жизни высшее рождение.

— Дурак ты дурак, — она отступила в тень, — хоть и дважды рожденный. Что мне за дело до другой жизни? Ведь в том существовании буду уже не я. И ты станешь другим. Неужели ты не чувствуешь, что гибнет весь наш мир и вся твоя брахманская глупость вместе с ним? Завтра или послезавтра Хромой тюрюк доберется и сюда. Милостивая мать Кали! Будь свидетельницей! — Девушка гневно притопнула ногой. — Я не так хотела провести последнюю ночь перед концом света, но боги распорядились по-своему. Значит, так тому и быть!

— Ты напрасно гневаешься, — примирительно заметил юноша, — никто не виноват в том, что люди принадлежат к разным кастам. Так было от начала мира и так есть.

— Но так не будет, когда тюрюк свалит наши тела в одну кучу!

— И очень жаль, потому что и в смерти каждому положен отдельный костер.

— Вот заладил! — Она ударила кулачком по стволу. — Что с тобой говорить, желторотый вороненок! Тебе, наверное, невдомек, что можно жить иначе? Очень весело, пусть хоть и незаконно, не ведая ни запретов, ни каст?

— Это греховная жизнь, и тяжкая последует за нее расплата.

— Что ж, пеняй на себя, набитый мертвой премудростью, ты сам во всем виноват. — Девушка подняла с земли вино. — Я этого не хотела...

— О чем ты, девушка-шудра?

— Так, пустяки, хорошенький брахманчик. — Она зацепила ноготком струну и резко отпустила ее. — Куда ты идешь?

— В город, — ответил он, прислушиваясь к дрожащему звуку. — Хочу примкнуть к тамошней общине жрецов. У меня к ним дело.

— Иди по этой дороге, никуда не сворачивая, и к утру ты встретишь людей, у которых сможешь поесть, не оскверняя себя.

— Спасибо, девушка-шудра, оставайся с миром.

— Иди и ты с миром, глупый брахманчик. — Она отвернулась и стала перебирать струны.

Под тоскливый напев вины, в котором не звучала уже и отдаленная надежда, Гунашарман вновь вышел на дорогу и скоро скрылся из глаз.

Он не услышал, как оборвалась печальная песня и девушка изо всех сил ударила по струнам. На троекратный трагический крик вины жалобным воем отозвались откуда-то голодные красные волки. С детства привычный к бесстрастию, он шагал, заглушив в сердце боль, а девушку-шудру и вовсе выбросил из головы, как только перестал различать напев вины. И зачем ему было думать о ней, когда в кромешной тени дерева не разглядел он на груди и щеках выжженное клеймо душителей-тхагов, страшных служителей богини Бхавани...

Он не обернулся, когда в нескольких шагах позади него бесшумно выпрыгнула на дорогу странная многорукая тень. Зловеще искажаясь на наезженных колеях, она быстро настигла Ганашармана и вдруг раздвоилась прямо у него за спиной. Он не успел даже вскрикнуть, когда два угрюмых бородача намертво сдавили ему запястье. Испуганно глянул налево-направо, увидел заступ в руке у одного грабителя и белый платок — у другого, но ничего не успел понять от острой боли, когда сломалось его горло.

— Готово, — сказал тхаг, вытаскивая платок из-под бессильно запрокинутой головы молодого брахмана. — Обыщи его.

Второй тхаг нагнулся и поднял с земли узелок.

— Ничего, — сказал он, вытряхивая на дорогу слипшиеся комочки холодного риса и кокосовую чашку для воды.

— А здесь? — Первый тхаг принялся ощупывать жалкую одежду. — Ого! — воскликнул он, вытаскивая камешек, сверкавший даже в ночи. — Это, кажется, по твоей части? Смотри не обожгись!

— Ему цены нет, — покачал головой знаток. — Нелегко его будет сбить с рук.

Он засунул камень за щеку и, сойдя с дороги, принялся рыть могилу, как того требовали неписанные правила его преступной секты...

...Переменив многих случайных хозяев, дивный камень, дар звезд, попал в конце концов в сокровищницу Тимура Хромого. Оправленный в золотую розетку, он увенчал корону Великих Моголов, но никто так никогда и не проведал о его волшебных возможностях. Ибо первый его хозяин давным-давно погрузился в вечное молчание...

Ермей Парнов

Рок и ужас

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Н. Саркитов*

Художественный редактор *О. Скочко*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 24.12.07 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 57 000 экз. Заказ № 0805350.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Михельсон М. Труды по русской фразеологии: В 6 томах	1960 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.